

— Олег Николаевич, вы всегда воспринимались не только как актер, режиссер, но и как театральный "строитель". Это осложняло вашу творческую жизнь?

— Конечно, потому что приходилось заниматься несвойственными мне делами. Сейчас вот покоя не дает рыночная "бацилла". Раньше актеры хоть отправлялись на съемки, а теперь для них проще просто уехать на кинозаработки или уйти в спектакль на стороне, где хорошо платят. И что тут скажешь? Все эти сложности огорчают, расстраивают. И все-таки, на мой взгляд, сейчас у нас есть молодежь, которая поможет вытянуть театр.

— А нынешняя жизнь огорчает?

— Чем-то очень. Войной в Чечне, например. И тем, что вдруг все "позабыли" о ней. Вначале газеты, радио, телевидение чуть ли не каждый день о ней напоминали. А теперь? Все продолжается по-прежнему, а мы вроде уже успокоились. И это ужасно.

Ну и не очень я ловок, может быть, во всех нынешних коммерческих сложностях. Кто-то с ними справляется, я — нет. Хотя, если этой сферой всерьез заняться, увлечься, может, и удалось бы чего-то достигнуть. Но уже выработаны иные ценности. Для меня главное то, что мы освободились от тоталитаризма. Я — за свободу духа прежде всего. И об этом — наши спектакли.

— Во времена не столь отдаленные "пробить" через руководящие инстанции те же "Так победим!" или "Серебряную свадьбу" стоило вам немалых нервов и сил. А сейчас как оцениваете эти работы?

— Хорошо. "Так победим!" сейчас снял только потому, что началась возня вокруг имени Ленина, и мне не хотелось в ней участвовать. Но сам спектакль был достаточно документален. И он — антисталинский, вот что важно. Сейчас мы знаем о том времени больше. И все равно Октябрьская революция остается определенной вехой в истории человечества, от этого никуда не денешься. "Серебряная свадьба" тоже была против "бесов", номенклатуры — партийной, государственной. Конечно, тогда мы не знали до конца ее способности к мимикрии. Теперь знаем, но вот кто смог бы написать пьесу о "перевертышках", которые нами правят? Мы же — страна перевертышей.

— Однако вы сами были в числе тех, кто помогал новым правителям прийти к власти. Выходит, за что боролись?..

— Я до сих пор дружу с Михаилом Сергеевичем Горбачевым и достаточно уважаю его, в отличие, может быть, от многих. Хотя считаю, что в президентстве ему сейчас не надо идти. Он сделал великое дело — освободил страну. А дальше "процесс пошел". Объяснение нынешним событиям я искал, когда ставил "Бориса Годунова". Для меня "Смутное время" началось сразу после смерти Сталина, только оно шло не по прямой, а как бы зигзагами. Но и пушкинская трагедия — о Смутном времени. Мне не близка ее "церковная" трактовка: дескать, народ согрешил, избрал цареубийцу и за то поплатился. По мне, русские люди — анархисты в глубине души. Да, они склонны к терпению, их можно обрабатывать, обманывать идеологически, как то случалось и при сталинской диктатуре, и при партийной, и при нынешней власти, да и при Иване Грозном бывало. Но все равно в нас живо естественное человеческое стремление к свободе. Другое дело, что оно может размахнуться без удержу и предела и обернуться бун-

тами и прочими пережестами.

— Что же такое свобода в вашем понимании?

— Свобода мыслить, думать. Быть самим собой.

— Себя вы всегда чувствовали свободным?

— Тайно. Это, кстати, пушкинская формула — "тайная свобода". Без нее нет человека.

— Сохранить это ощущение в себе в несвободные времена сложно. Как вам удалось?

— Так был воспитан, наверное. Родня моя из Бузулука, потом перебралась в Самару. Помню бабушку Евдокию Степановну — в нее я такой некрюжистый. Помню, она была высокой и очень стройной, помню ее руки, ее

сунул под дверь записку, чтоб вызвать. Она вышла: "Ну что такое? Заходи!" Я: "Вот мы сделали спектакль, хотели к празднику премьеру, нам не разрешают." — "Кто?" — "Цензура, Главлит!" И ведь как я с ними ругался! Цензоры, например, потребовали исключить из пьесы Ногина только потому, что он вышел из правительства, когда стала однопартийная система. Я не выдержал: "Как же вам не стыдно, вы же находитесь на площади Ногина!" Да и других придирок хватало. Но когда я рассказал обо всем Фурцевой, та: "Играйте!" И потом я слышал, как она по телефону с Романовым, начальником Главлита, ругалась.

КУРАНТЫ. — 1995. — 7 июля — с. 12

Олег ЕФРЕМОВ:

ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СВОБОДНЫМ.

ТАЙНО

нежность, доброту. Может, потому, что мама у меня была очень вспыльчивой, могла при случае и тарелкой засадить, приходилось увертываться. Хотя воспитывалась мама, представьте себе, в Смольном институте. Но в ее темпераменте было, конечно, и свое обаяние. Мама, как и бабушка, занималась домом. Отец был финансовым работником. А вот дед — капиталистом, владел мукомольными предприятиями, пароходами. После революции все это, разумеется, национализировали. А сам дед умер в Москве. Потому что дяню моего — Виктора Павловича Меншенина, известного оперного певца, который был в студии Станиславского, пел Германна в "Пиковой даме", посадили "за антисемитизм". Дед и перебрался поближе к нему.

Со стороны матери в нашем роду тоже были капиталисты, только уже аграрные — Репины. Самое потрясшее, когда мы три года назад ездили на фестиваль в Австрию, я там встретился со своим двоюродным братом Георгием Репиным, который оказался профсоюзным лидером австрийских медицинских работников. Он там и родился: его родные сбежали из России еще в двадцатые годы — сначала в Китай, потом вот в Австрию, стали там богатыми людьми. Решительность в нашем роду была, что называется, в крови. Видимо, я ее унаследовал. Когда решил идти в театральный, чувствовал себя уже вполне самостоятельным, так что домашних сумел поставить на место, чтоб не возражали.

— Оказались прирожденным лидером?

— Лидером я себя и сейчас не чувствую. Просто во мне всегда больше сидит ответственности. Я работаю. А когда работаешь, всего хватает — и отчаяния, и радости. В "Современнике", например, когда у нас сразу принимали спектакль, мы собирались и говорили: слушайте, наверное, мы что-то не то поставили. Самым горьким было, когда нам запретили "Матросскую тишину" Александра Галича, которую мы поставили вслед за "Вечно живыми". Думаю, если бы тот спектакль вышел, мы уже на следующий день проснулись бы знаменитыми.

А вот "Большевиком" могла отстоять Екатерина Алексеевна Фурцева, которая ко мне очень хорошо относилась. Защищала нас, не видя спектакля. Я пришел к ней накануне 7 ноября, под-

лась. Говорила ему: "Ничего ничего, я тоже кое-что значу у нас в стране". Она всю ответственность взяла на себя, даже выговор, по-моему, потом за это получила.

Но в играх с властями державшими и много смешного было. В свое время управление культуры Москвы возглавлял Родионов, милейший человек, достойный уважения хотя бы за то, что сам себе выступления писал. И он пришел на сдачу "Пяти вечеров", которые мы делали в Театре имени Маяковского. Во время грозы там что-то прохудилось в колосниках. И с декораций на сцену потекла голубая струя, образовала лужу, в которую, поскользнувшись, шлепнулась Лилия Толмачева. После спектакля Родионов мне и говорил: "Ну ладно, тяжелая жизнь, но ты уж и напустил! Уже и крыша течет, и все — ну куда ж это!"

А визит Брежнева на спектакль "Так победим!". Он, по-моему, единственный раз в жизни вообще в театр пришел вместе со всем политбюро. Я в тот вечер повеселился, как и мои студенты, которые умирали со смеху, скачиваясь после массовок со сценического круга. Все мы слышали брежневские комментарии: он же глухой был, а глухие говорят громко. Больше всех, по-моему, переживал и дрожал Демичев:

"Надо, чтобы они громче, чтоб вызвать. Она вышла: "Куда громче-то? Орут!"

— Как-то вы обмолвились, что в театре вам обязательно нужна своя компания, без нее чувствуете себя плохо. Как же в свое время решились оставить слаженную компанию "Современника" и возглавить МХАТ?

— "Современник" создавался внутри Школы-студии, в основном там были мхатовцы. Я был старше других, уже преподавал, поэтому вокруг меня и объединились друзья, ученики. И это была студия Художественного театра! Мы сначала и назывались Студией молодых актеров, потом уж появилось название "Современник", ко-

гда бесплатно не получаю — приходится 50 процентов стоимости оплачивать. Но как представлю себя на пенсии...

— О разделе МХАТа на два театра, случившемся по вашей инициативе, тоже не жалеете?

— Это нужно было сделать хотя бы для того, чтобы уменьшить труппу и при этом никого не увольнять. Хотя подспудные процессы тоже были. Ну а сейчас я в "тот" МХАТ не хожу, отношений никаких. Так сложилось...

— Уже четверть века, как вы во главе Художественного театра. Что удалось выполнить из задуманного, а что нет?

— Получилось очень многое. Прежде всего, театр внутри перестал быть мещанским, да еще с антисемитским душком, который я еще застал. Раскрепостились актеры, долго воспитывавшиеся на официально-идеологической дисциплине: многие даже не знали, что был двадцатый съезд! Правда, со "стариками" было легче. Только Ливанов, наивный человек, возненавидел меня, потому что сам претендовал на роль руководителя театра. Он единственный обо мне спрашивал не иначе как: "Что делает этот хунвейбин?" Вообще, многие интеллигентность человека расценивают не по тому, как он мыслит, а по тому, оттопыривает ли он мизинчик, когда ест. Вот такое представление у многих о прежнем МХАТе, а Ефремов, понимаешь ли, все это разрушил. А Ефремов изгонял пошлость, которой было достаточно!

Ну и спектаклей много поставлено. У нас в театре до сих пор обожают "Старый Новый год" Михаила Рошина. По-моему, очень острыми, неожиданными получились "Последние" Горького. Не буду перечислять все, но то, что зритель опять пошел в Художественный театр, что вернулись аншлаги, — очень важно. А недостает сейчас МХАТу, как мне кажется, творческого единomyслия. Сейчас для нас слово "коллектив" — это вроде плохо. А как театр может быть без коллектива? Ничего не выйдет.

— Когда дело касается искусства, вы умеете быть бойцом. А ради того, чтобы МХАТ выжил, готовы пойти на компромисс, "продаться", грубо говоря?

— Чтобы МХАТ жил — пойду. Я вам приведу пример со Станиславским. Мне написал письмо сын владелицы шляпной мастерской, которая была когда-то в Художественном театре, на втором этаже. Там самые известные пижоны Москвы заказывали шляпы, ну и актеры, конечно. И вот он пишет, как уже шли репетиции на сцене в Камергерском, в новом помещении, отстроенном Савой Морозовым, и не хватало еще каких-то денег. Станиславский обратился к купечеству. И вот вошел, не снимая цилиндр или там шапки, Рябушинский и сказал: "Косык, тебе деньги, што ль, нужны?" Станиславский говорит: "Да." — "Ну давай тогда целый руку!" И Станиславский бух — и поцеловал ему руку. И тот ему сразу выдал деньги. Станиславский мог, почему я — нет?

— В нашей жизни без стрессов не обходится. Как вы с ними справляетесь? Кричите? Напиваетесь?

— Да давно уж не кричу, давно не напиваюсь. Возраст, что делать! Но вообще, не так уж все и плохо в жизни. Мне бы вот здоровье немножко улучшить, и все будет о'кей!

— У вас была достаточно бурная личная жизнь. Счастливы были?

— Наверное, какие-то мгновения был. Но "на свете

счастья нет", как Пушкин говаривал. Я люблю одиночество. Особенно сейчас, когда уже и устаешь быстро. К вечеру люблю прийти домой, отключить телефон — и чтоб никто не трогал. Смотрю телевизор, в основном новости или какие-нибудь боевички, которые обожаю. Иногда детективы читаю. Но у Александра Володина есть фраза в пьесе одной: "Гибну под грузом невыполненных обещаний". Вот и у меня так: пьесы надо читать. За все эти годы уже стал ненавидеть чтение пьес, а надо.

— От политики сейчас отошли?

— Голосовать на выборах, во всяком случае, буду. За Гайдара, хотя он, как мне кажется, очень одинок. Он удивительно интеллигентный, знающий, умный, но наделал много ошибок, очень оторван, с моей точки зрения, от нужд народных. Я ему говорил как-то, что надо было больше объяснять, меньше иностранных слов произносить и прочее. Еще я — за Явлинского, у которого очень профессиональная команда. Вот мои пристрастия.

— А как насчет материальных благ?

— Очень хочу купить "ландровер". А то у сына Мишки "Нива" бежевая, у Настьки — это дочка моя — бордовая. Надо как-то от них отличаться. У меня сейчас-то нет машины, продал ее из-за состояния здоровья. Но если лучше станет, подержанный красивый джип куплю.

— Из ваших детей только Лиша стал актером?

— Миша. А Настя кончила театроведческий факультет ГИТИСа, работала в театре "Эрмитаж" у Левитина. Но больше года назад вдруг сюрприз преподнесла: раз — и снова родила. Миша же, по-моему, кроме как в актеры, больше никуда не мог пойти. Учился он шалаш-валаш, заканчивал школу рабочей молодежи. Его туда привозили, он входил, мы вздыхали с облегчением: пошел, слава Богу. А он выходил через другой ход. Он и сейчас дурак бывает иногда, разбрасывается, увлечается. Я пытаюсь разбирать его роли иногда, но он не очень-то будет слушать.

— А внуки вас любят. Каков Ефремов-дед?

— Любят — это как когда. Если дед что-то привозит, то обязательно, а так... Я очень мало со своими внуками возжусь, хотя их много.

— Дед и отец вы строгий?

— Нет. Строгим бываю в театре, когда случается полный бардак. Тут приехали в Святые горы играть "Бориса Годунова". И народ вырвался на свободу, в поезде не спали все. Собираемся, вижу — все пьяные. За кулисы пошел — там бутылки. Я говорю: "Ну все, давайте уезжать тогда к чертовой матери — в Пушкинских горах вы такое мне..." И на следующий день все было нормально. Вообще, иногда думаешь: "Ох ты, Господи, я этот театр ненавижу!" Но потом все-таки увлечешься.

— С кино вы в столь же противоречивых отношениях?

— Кино любил, потому что это было для меня отдушиной: новые люди, новые места. Это сейчас все за границу ездят снимать, а раньше целина — так на целину, мост строить — так в Саратов... Но я многим в кино пожертвовал: другие сделали карьеру на тех ролях, от которых я вынужден был отказаться.

— Есть ощущение, что вы что-то упустили в жизни?

— Нет. Просто надо дальше, дальше, дальше делать искусство.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Игоря
АЛЕКСАНДРОВА.